

Неожиданное прибытие опального коннетабля поставило капитанов в весьма затруднительное положение. Многие из них были должниками господина де Тремулья. Они хорошо знали о настроениях, господствовавших при дворе. Однако перспектива получения свежих рыцарских сил накануне штурма казалась также весьма заманчивой. Кроме того, благородного коннетабля можно было противопоставить Деве и всему ее сброду.

Герцог Алансонский поначалу пришел в ярость и заявил посланцам, что если де Ришмон отважится подойти, то королевские войска и Дева вступят с ним в сражение.

Постепенно, впрочем, под давлением уговоров окружавших принц успокоился. Жанна также старалась его разубедить.

— Следует помогать друг другу, — сказала она.

Герцог, как обычно, послушал девушку и, сопровождаемый ею, выехал навстречу коннетаблю.

Вскоре они увидели отряд всадников, впереди которого находился маленький смуглый человек с толстыми губами и угрюмым выражением лица.

Не уделив ни малейшего внимания герцогу, де Ришмон прямо обратился к Деве:

— Жанна, мне сказали, что вы хотите сражаться против меня. Я не знаю, являетесь ли вы посланницей божьей. Если да, то мне нечего бояться, ибо я исполняю божью волю. Если же вы посланы дьяволом, то я опасаюсь вас еще меньше.

Говоривший эти слова действительно не боялся дьявола и усердно исполнял «божью волю». По его распоряжениям в разных местах и в разное время было сожжено немало людей, обвиненных в колдовстве и ереси.

Жанна ответила коннетаблю сдержанно и просто:

— Монсеньер, вы явились сюда не по моей воле, но раз уж вы пришли, то добро пожаловать!

Условия капитуляции Божанси были мягкие. С англичан взяли слово, что они в течение десяти дней